

Анатолий Рыбаков

Неизвестный солдат

ФТМ

Анатолий Наумович Рыбаков

Неизвестный солдат

Серия «Приключения Кроша», книга 3

Вычитка, иллюстрации – Chernov Sergey 04.2008
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129981
Рыбаков А. Приключения Кроша: ФТМ; Москва; 1980
ISBN 978-5-4467-0060-8

Аннотация

Герои Анатолия Рыбакова хорошо знакомы уже нескольким поколениям детей, любителей веселых и опасных приключений. Любознательный и честный Крош увлекается расследованием загадочных происшествий. Его волнует не только то, что произошло рядом с ним, но и то, что случилось за много лет до его рождения. Повесть «Неизвестный солдат» рассказывает об уже повзрослевшем Кроше, который, работая на строительстве новой дороги, обнаруживает могилу неизвестного солдата и задается целью установить его имя.

Содержание

1	4
2	10
3	15
4	21
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анатолий Рыбаков

Неизвестный солдат

1

В детстве я каждое лето ездил в маленький городок Корюков, к дедушке. Мы ходили с ним купаться на Корюковку, неширокую, быструю и глубокую речку в трех километрах от города. Мы раздевались на пригорке, покрытом редкой, желтой, примятой травой. Из совхозной конюшни доносился терпкий, приятный запах лошадей. Слышалось перестукивание копыт по деревянному настилу. Дедушка загонял коня в воду и плыл рядом с ним, ухватившись за гриву. Его крупная голова, со слипшимися на лбу мокрыми волосами, с черной цыганской бородой, мелькала в белой пене маленького буруна, рядом с дико косящим конским глазом. Так, наверно, переправлялись через реки печенеги.

Я единственный внук, и дедушка меня любит. Я его тоже очень люблю. Он осенил мое детство добрыми воспоминаниями. Они до сих пор волнуют и трогают меня. Даже сейчас, когда он прикасается ко мне своей широкой, сильной рукой, у меня щемит сердце.

Я приехал в Корюков двадцатого августа, после заключительного экзамена. Опять получил четверку. Стало очевид-

но, что в университет я не поступлю.

Дедушка ожидал меня на перроне. Такой, каким я оставил его пять лет назад, когда в последний раз был в Корюкове. Его короткая густая борода слегка поседела, но широкоскулое Лицо было по-прежнему мраморно-белое, и карие глаза такие же живые, как и раньше. Все тот же вытертый темный костюм с брюками, заправленными в сапоги. В сапогах он ходил и зимой и летом. Когда-то он учил меня надевать портянки. Ловким движением закручивал портянку, любовался своей работой. Патом натягивал сапог, морщась не оттого, что сапог жал, а от удовольствия, что он так ладно сидит на ноге.

С ощущением, будто я исполняю комический цирковой номер, я взобрался на старую бричку. Но никто на привокзальной площади не обратил на нас внимания. Дедушка перебрал в руках вожжи. Лошадка, мотнув головой, побежала с места бодрой рысцой.

Мы ехали вдоль новой автомагистрали. При въезде в Корюков асфальт перешел в знакомую мне выбитую булыжную мостовую. По словам дедушки, улицу должен заасфальтировать сам город, а у города нет средств.

– Какие наши доходы? Раньше тракт проходил, торговали, река была судоходной – обмелела. Остался один конезавод. Есть лошади! Мировые знаменитости есть. Но город от этого мало что имеет.

К моему провалу в университет дедушка отнесся фило-

софски:

– Поступишь в следующем году, не поступишь в следующем – поступишь после армии. И все дела.

А я был огорчен неудачей. Не повезло! «Роль лирического пейзажа в произведениях Салтыкова-Щедрина». Тема! Выслушав мой ответ, экзаменатор уставился на меня, ждал продолжения. Продолжать мне было нечего. Я стал развивать собственные мысли о Салтыкове-Щедрине. Экзаменатору они были не интересны.

Те же деревянные домики с садами и огородами, базарчик на площади, магазин райпотребсоюза, столовая «Байкал», школа, те же вековые дубы вдоль улицы.

Новой была лишь автомагистраль, на которую мы опять попали, выехав из города на конезавод. Здесь она еще только строилась. Дымился горячий асфальт; его укладывали загорелые ребята в брезентовых рукавицах. Девушки в майках, в надвинутых на лоб косынках разбрасывали гравий. Бульдозеры блестящими ножами срезали грунт. Ковши экскаваторов вгрызались в землю. Могучая техника, грохоча и лязгая, наступала на пространство. На обочине стояли жилые вагончики – свидетельство походной жизни.

Мы сдали на конезавод бричку и лошадь и пошли обратно берегом Корюковки. Я помню, как гордился, впервые переплыв ее. Теперь бы я ее пересек одним толчком от берега. И деревянный мостик, с которого я когда-то прыгал с замирающим от страха сердцем, висел над самой водой.

На тропинке, еще по-летнему твердой, местами потрескавшейся от жары, шуршали под ногами первые опавшие листья. Желтели снопы в поле, трещал кузнечик, одинокий трактор подымал зябь.

Раньше в это время я уезжал от дедушки, и грусть расставания смешивалась тогда с радостным ожиданием Москвы. Но сейчас я только приехал, и мне не хотелось возвращаться.

Я люблю отца и мать, уважаю их. Но что-то сломалось привычное, изменилось в доме, стало раздражать, даже мелочи. Например, мамино обращение к знакомым женщинам в мужском роде: «милый» вместо «милая», «дорогой» вместо «дорогая». Что-то было в этом неестественное, претенциозное. Как и в том, что свои красивые, черные с проседью волосы она покрасила в рыже-бронзовый цвет. Для чего, для кого?

Утром я просыпался: отец, проходя через столовую, где я сплю, хлопал шлепанцами – туфлями без задников. Он и раньше ими хлопал, но тогда я не просыпался, а теперь просыпался от одного предчувствия этого хлопанья, а потом не мог заснуть.

У каждого человека свои привычки, не совсем, может быть, приятные; приходится с ними мириться, надо притираться друг к другу. А я не мог притираться. Неужели я стал психом?

Мне стали неинтересны разговоры о папиной и маминой работе. О людях, про которых я слышал много лет, но ни разу

не видел. О каком-то негодяе Крептюкове – фамилия, ненавистная мне с детства; я готов был задушить этого Крептюкова. Потом оказалось, что Крептюкова душить не следует, наоборот, надо защищать, его место может занять гораздо худший Крептюков. Конфликты на работе неизбежны, глупо все время говорить о них. Я вставал из-за стола и уходил. Это обижало стариков. Но я ничего не мог поделать с собой.

Все это было тем более удивительно, что мы были, как говорится, *дружной* семьей. Ссоры, разлады, скандалы, разводы, суды и тяжбы – ничего этого у нас не было и быть не могло. Я никогда не обманывал родителей и знал, что они не обманывают меня. То, что они скрывали от меня, считая меня маленьким, я воспринимал снисходительно. Это наивное родительское заблуждение лучше снобистской откровенности, которую кое-кто считает современным методом воспитания. Я не ханжа, но в некоторых вещах между детьми и родителями существует дистанция, есть сфера, в которой следует соблюдать сдержанность; это не мешает ни дружбе, ни доверию. Так всегда и было в нашей семье. И вдруг мне захотелось уйти из дома, забиться в какую-нибудь дыру. Может быть, я устал от экзаменов? Тяжело переживаю неудачу? Старики ни в чем меня не упрекали, но я подвел, обманул их ожидание. Восемнадцать лет, а все сижу на их шее. Мне стало стыдно просить даже на кино. Раньше была перспектива – университет. Но я не смог добиться того, чего добиваются десятки тысяч других ребят, ежегодно поступающих

в высшие учебные заведения.

Старые гнутые венские стулья в маленьком дедушкином доме. Скрипят под ногами ссохшиеся половицы, краска на них местами облупилась, и видны ее слои – от темно-коричневого до желтовато-белого. На стенах фотографии: дедушка в кавалерийской форме держит в поводу коня, дедушка – объездчик, рядом с ним два мальчика – жокеи, его сыновья, мои дяди, – тоже держат в поводу лошадей, знаменитых рысаков, объезженных дедушкой.

Новым был увеличенный портрет бабушки, умершей три года назад. На портрете она точно такая, какой я ее помню, – седая, представительная, важная, похожая на директора школы. Что в свое время соединило ее с простым лошадиником, я не знаю. В том далеком, отрывистом, смутном, что мы называем воспоминаниями детства и что, возможно, есть только наше представление о нем, были разговоры, будто из-за дедушки сыновья не стали учиться, заделались лошадиниками, потом кавалеристами и погибли на войне. А получили образование, как хотела бабушка, их судьба, вероятно, сложилась бы по-другому. С тех лет у меня сохранились сочувствие к дедушке, который никак не был виноват в гибели сыновей, и неприязнь к бабушке, предъявлявшей ему такие несправедливые и жестокие обвинения.

На столе бутылка портвейна, белый хлеб, совсем не такой,

как в Москве, гораздо вкуснее, и вареная колбаса неопределенного сорта, тоже вкусная, свежая, и масло со слезой, завернутое в капустный лист. Что-то есть особенное в этих простых произведениях районной пищевой промышленности.

– Пьешь вино? – спросил дедушка.

– Так, понемногу.

– Сильно пьет молодежь, – сказал дедушка, – в мое время так не пили.

Я сослался на большой объем информации, получаемой современным человеком. И на связанную с этим обостренную чувствительность, возбудимость и ранимость.

Дедушка улыбался, кивал головой, как бы соглашаясь со мной, хотя, скорее всего, не соглашался. Но свое несогласие он выражал редко. Внимательно слушал, улыбался, кивал головой, а потом говорил что-нибудь такое, что хотя и деликатно, но опровергало собеседника.

– Я как-то раз выпил на ярмарке, – сказал дедушка, – меня мой родитель та-ак вожжами отделал.

Он улыбался, добрые морщинки собирались вокруг его глаз.

– Я бы не позволил!

– Дикость, конечно, – охотно согласился дедушка, – только раньше отец был глава семьи. У нас, пока отец за стол не сядет, никто не смеет сесть, пока не встанет – и не думай подыматься. Ему и первый кусок – кормилец, работник.

Утром отец первым к умывальнику, за ним старший сын, потом остальные – соблюдалось. А сейчас жена чуть свет на работу убегает, поздно приходит, усталая, злая: обед, магазин, дом... А ведь сама зарабатывает! Какой муж ей авторитет? Она ему уважения не оказывает, за ней и дети. Вот он и перестал чувствовать свою ответственность. Зажал трешку – и за пол-литром. Сам пьет и детям показывает пример.

В чем-то дедушка был прав. Но это только один аспект проблемы, и, возможно, не самый главный.

Точно угадав мои мысли, дедушка сказал:

– Я не призываю к кнуту и к домострою. Как раньше люди жили – их дело. Мы за предков не отвечаем, мы за потомков отвечаем.

Правильная мысль! Человечество отвечает прежде всего за своих потомков!

– Сердца вот пересаживают... – продолжал дедушка. – Мне семьдесят – на сердце не жалуюсь, не пил, не курил. А молодые и пьют и курят – вот и подавай им в сорок чужое сердце. И не подумают, как это: нравственно или безнравственно?

– А ты как считаешь?

– Я считаю, безусловно, безнравственно. На все сто процентов. Лежит человек в больнице и ждет не дождется, когда другой сыграет в ящик. На улице гололед, а ему праздник: кто-нибудь расшибет котелок. Сегодня пересаживают сердца, завтра возьмутся за мозги, потом начнут из двух несовер-

шенных людей делать одного совершенного. Например, слабосильному вундеркинду пересаживают сердце здорового болвана или, наоборот, болвану – мозги вундеркинда; будут, понимаешь, свинчивать гениев, а остальные на запчасти.

– Есть у меня один знакомый писатель, – поддержал я дедушкину мысль, – хочет написать такой рассказ. Больному человеку пересаживали сердца от разных зверей и животных. Но ни с одним таким сердцем он не мог жить – перенимал характер того зверя, от которого получал сердце. Сердце льва – становился кровожадным, осла – упрямым, свиньи – хамом. В конце концов он пошел к врачу и сказал: «Верните мне мое сердце, пусть больное, но зато мое, человеческое».

Я сказал неправду. Знакомых писателей у меня нет. Этот рассказ я собирался написать сам. Но было стыдно признаться дедушке, что пописываю. Я еще никому не признавался.

– В общем, лучше здоровое сердце, чем большой желудок... – Такой старомодной шуткой дедушка заключил медицинскую часть нашего разговора и перешел к деловой: – Делать чего собираешься?

– Работать пойду. Заодно буду готовиться к экзаменам.

– Рабочие кругом требуются, – согласился дедушка, – вон дорогу строят, автомагистраль Москва-Поронск. Знаешь Поронск?

– Слыхал.

– Старинный город, церкви, соборы. Ты стариной не увлекаешься?

– Что-то не тянет.

– Сейчас старина в моде, даже молодые пристрадались. Ну, а в Поронске этой старины на каждом шагу, иностранцы приезжают. Вот и строят международный туристский центр, а к нему – магистраль. По всему городу объявления: требуются рабочие, полевые-командировочные платят. Заработаете, потом сиди зиму – занимайся. И все дела.

Итак, эта прекрасная мысль пришла в голову дедушке, с его практическим умом и мудростью. Он вообще считал, что меня воспитывают слишком домашним, тепличным и мне надо *попробовать жизни*. Мне казалось даже, что он доволен моим непоступлением в университет. Может быть, он против высшего образования? Последователь Руссо? Считает, что цивилизация ничего хорошего людям не принесла? Но дал же он образование своей дочери – моей маме. Просто дедушка хочет, чтобы я *попробовал жизни*. А заодно пожил бы у него и тем скрасил его одиночество.

Меня это тоже устраивало.

Никаких объяснений с родителями не потребуется. Я поставлю их перед совершившимся фактом. Здесь меня никто не знает, и я буду избавлен от прозвища «Крош» – оно мне порядком надоело. Поработаю до декабря, вернусь домой с деньгами. У меня есть водительские права, любительские, мне их обменяют на профессиональные. В виде исключения: в школе мы изучали автодело, проходили практику на автобазе. Поезжу с отрядом по стране, буду готовиться к экзаменам. Что делать вечером в поле? Сиди почитывай. Это не чистенький, светлый цех, где восемь часов торчишь на одном и том же месте. Это не киношная романтика с торжественными провожаниями на вокзале, речами и оркестрами. Было

что-то очень привлекательное в этих вагончиках на обочине дороги – дымок костров, кочевая жизнь, дальние дороги, здоровенные загорелые парни в брезентовых рукавицах. И эти девушки с оголенными руками, со стройными ногами, в косынках, надвинутых на лоб. Что-то сладкое и тревожное щемило мне сердце.

Но объявления висят давно. Возможно, люди уже набраны. С единственной целью выяснить ситуацию я отправился на участок.

Вагончики стояли на обочине полукругом. Между ними были натянуты веревки, на них сушилось белье. Один конец веревки был привязан к Доске почета. Несколько в стороне располагалась столовая под большим деревянным навесом.

По приставной лестнице я поднялся в вагончик с табличкой «Управление дорожно-строительного участка».

В вагончике за столом сидел начальник. За чертежной доской – модная девчонка с косящим на дверь глазом. Сейчас она скосилась на меня.

– Я по поводу объявления, – обратился я к начальнику.

– Документы! – коротко ответил он. Ему было на вид лет тридцать пять, сухощавый человек с нахмуренным лицом, озабоченный и категоричный администратор.

Я протянул паспорт и водительские права.

– Права любительские, – заметил он.

– Я их обменяю на профессиональные.

– Нигде еще не работал?

– Слесарем работал.

Он недоверчиво сощурился:

– Где ты работал слесарем?

– На автобазе, на практике по ремонту машин.

Он перелистал паспорт, посмотрел прописку.

– Сюда зачем приехал?

– К дедушке.

– На деревню дедушке... В институте провалился?

– Не поступил.

– Пиши заявление: прошу зачислить подсобным рабочим.

Обменяешь права – переведем на машину.

Несколько неожиданно. Ведь я пришел только выяснить ситуацию.

– Я бы хотел сначала обменять права и сразу сесть на машину.

– У нас и сменишь. Напишем в автоинспекцию.

Ясно! Начальник заинтересован в рабочей силе, особенно в подсобниках. Никто не хочет идти на физическую работу. Это только теперь так деликатно называется – подсобный рабочий. Раньше называлось – чернорабочий.

Я не боюсь физической работы. Могу, если надо, поворочать гравий лопатой. Но зачем же я проходил практику на автобазе? У меня хватило ума сказать:

– Не можете посадить на машину, возьмите пока в слесари. Зачем же я буду квалификацию терять?

Начальник недовольно сморщился. Ему очень хотелось

всучить мне лопату и грабли.

– Еще надо проверить твою квалификацию.

– Для этого есть испытательный срок.

– Все знает! – усмехнулся начальник, обращаясь к чертежнице. Видно, у него такая манера: обращаться не к собеседнику, а к третьему лицу.

Чертежница ничего не ответила. Опять скосилась на меня.

– Слесари на повременке, много не заработаешь, – предупредил начальник.

– Понятно, – ответил я.

– И жить придется в вагончике, – продолжал начальник, – механизмы работают в две смены – слесарь должен быть под рукой.

Надо бы пожить недельку с дедушкой. Но жизнь в вагончике меня тоже привлекала.

– Можно и в вагончике.

– Ладно, – нахмурился он, – пиши заявление.

Я присел и на краю стола написал заявление: «Прошу зачислить меня слесарем по ремонту, с дальнейшим переводом на машину».

Вручив его начальнику, я спросил:

– В каком вагончике я буду жить?

– Видали его! – Он опять обратился к чертежнице. – Спальное место ему подавай! Ты сначала поработай, заслужи.

С этими словами он размашисто начертил на углу моего заявления: «Зачислить с двадцать третьего августа».

Сегодня двадцать второе августа.

Только выйдя из вагончика, я осознал нелепую скоропалительность своего поступка. Куда и зачем я торопился? Не хватило духу сказать: «Я подумаю». Ведь я пришел только выяснить ситуацию. Каждый человек, решая свою судьбу, должен взвесить все. А я проявил слабость, поддался внешним обстоятельствам. С той минуты, как вошел в вагончик, сразу стал *оформляемым на работу*, действовал не так, как это нужно мне, а как нужно начальнику участка. Удивительно даже, как я сумел отбиться от лопаты и граблей. Нажми он на меня чуть посильнее – я бы на лопату согласился и на грабли. Меня оформили слесарем; я считал это своей победой, на самом деле это было поражением. Начальник участка предложил мне наихудший вариант (чернорабочий), чтобы потом, сделав якобы уступку, зачислить простым слесарем, вместо того чтобы принять шофером. Он надул меня, оболванил, обьегорил. Я даже не спросил, какой у меня будет оклад! Повременка, а какая повременка? Сколько мне будут платить? Что я здесь заработаю? Неудобно, видите ли, спрашивать. Болван. Сноб! Ради оклада люди и работают, а меня это, видите ли, не интересует.

И как быть с дедушкой! Вчера приехал, завтра ухожу на работу. Хоть бы пожил с недельку со стариком. Он так этого хотел, пять лет мы с ним не виделись. Чертовски неудобно

получилось! Просто ужасно.

Я шел вдоль трассы. Так же работали загорелые парни в брезентовых рукавицах и девушки в майках с оголенными руками и стройными ногами. Дымился асфальт. Подъезжали и отъезжали самосвалы. Мне это не казалось таким привлекательным, как вчера. Грубые, незнакомые, чужие лица. На практике мы были школьники, чего с нас спрашивать? А здесь пощады не жди, никто за тебя вкалывать не будет. Какой я, в сущности, слесарь? Отличу простой ключ от торцового, отвертку от зубила, могу отвинтить или завинтить, что покажут. А если поручат самостоятельную работу? Здесь не ждут, тут давай, тут строительство. Вкапался в историю.

Дома я без обиняков все объяснил дедушке. Пришел выяснить ситуацию, а они сразу зачислили меня на работу.

– А ты думал, – рассмеялся дедушка, – людей-то не хватает.

Все оказалось проще, чем я думал. Дорожный участок переходит с места на место, и люди часто меняются. Одни увольняются, набираются новые, а те, что работают постоянно, не видятся неделями, мало знакомы, а то и вовсе не знакомы – трасса растянута на сорок километров. На новеньких здесь не обращают внимания. Даже не знают, кто новенький, кто не новенький.

Главная работа не асфальтирование, или, как здесь говорят, сооружение покрытия, а устройство земляного полотна. Тут много машин: экскаваторы, бульдозеры, канавокопатели, самосвалы. Потому здесь же и слесарная мастерская: навес, верстак, тиски, точило, наковальня, сверло, пресс, сварка, кладовая запчастей. Работа примитивная: что-нибудь подогнать, заклепать, просверлить, отнести на трассу какую-нибудь часть – механизатор сам ее поставит. Механизаторы опытные, привыкли в полевых условиях все делать сами. На ремонтников не надеются. У ремонтников стандартный ответ: «Мы на повременке, нам торопиться некуда». Подчеркивают этим, что механизатор выгоняет в месяц до двухсот рублей, а ставка слесаря, скажем, моего разряда – шестьдесят пять.

Мастерская держится на механике. Его фамилия Сидоров. Пожилой, опытный механик. Главное, понимает, что с

нас взять нечего: все делает сам, а мы на подхвате. И никогда нам не выговаривает. Только когда кто-нибудь уж чересчур начнет канючить, жаловаться на жару или еще на что, скажет:

– На фронте жарче было.

Он бывший фронтовик и до сих пор ходит в гимнастерке. Непонятно, как она у него сохранилась... Впрочем, это могла быть не фронтовая, а послевоенная гимнастерка.

Может, начальник участка – кстати, его фамилия Воронов – имеет влияние на автоинспекцию. Но все равно будет экзамен по вождению, по правилам движения, и главное, нужна новая медицинская справка о состоянии здоровья. Приедет квалифкомиссия в Корюков десятого сентября.

И потому, возвращаясь с работы, я садился за «Курс автомобиля». Самосвал объезжал трассу, долго собирал живущих в городе, и добирался я домой часов в семь, а то и в восемь. Усталый как черт. А здесь уже в одиннадцать часов выключают свет – город на ограниченном лимите электроэнергии.

Ко всему, понимаете ли, меня стали задерживать на работе. Один раз до ночи ремонтировали экскаватор. Машина в город уже ушла. Я остался ночевать в вагончике на койке, ее хозяин был в командировке. Потом задержали еще раз. Потом третий. Конечно, сейчас горячая пора, механизмы не должны простаивать, но не слишком приятно ночевать на чужой койке, без постели, не раздеваясь и опасаясь, что вот-

вот вернется хозяин и даст тебе по шее. А главное, на носу экзамены, надо готовиться, а меня задерживают.

Я так и сказал начальнику участка Воронову.

– Через две недели квалифкомиссия, а вы мне не даете подготовиться.

Разговор этот происходил в том же служебном вагончике, в присутствии той же чертежницы. Ее зовут Люда.

Обращаясь к ней, Воронов, усмехаясь, ответил:

– Видали его! Он учиться сюда пришел. А работать кто будет? Ломоносов? – Потом повернулся ко мне: – Я тебя предупреждал: слесарь может понадобиться в любое время.

– Да, вы предупреждали. Но вы обещали вагончик, а я живу в городе.

– Вот оно что. – Воронов нахмурился, будто я нанес ему тяжкое оскорбление, напомнив о его невыполненном обещании. – Хорошо, получишь место. – И угрожающе добавил: – Только уж тогда не хныкать.

Воронов невзлюбил меня, почему – не знаю. Возможно, чувствовал, что и он мне не нравится. Мне несимпатичны люди такого типа: властные, категоричные, насмешливые. В нем была скрытая каверзность, каждую минуту жди подвоха. Может быть, у него такой метод руководства: держать подчиненного в напряжении? Уступив в одном случае, он потом доказывал свою власть и преимущество в десяти других случаях. Так получилось и со мной. Я не поддался ему, не взялся за лопату и за грабли – одна зарубка, заставил дать место

в вагончике – вторая.

Произошло это ровно через три дня. Мы с механиком Сидоровым были на трассе, меняли тягу у канавокопателя. Впереди двигался бульдозер, срезал блестящим ножом и отваливал в сторону грунт. Вел бульдозер Андрей, здоровый молчаливый парень.

Вдруг бульдозер остановился. Андрей вышел и что-то разглядывал на дороге.

Сидоров поставил тягу, велел мне закрепить ее, а сам пошел посмотреть, в чем причина остановки. Нагнувшись, Андрей и Сидоров что-то рассматривали на дороге.

Подъехал самосвал, из него вышел шофер Юра – красивый деловой парень в кожаной куртке с «молниями».

– Нашли клад, ребята? Я в доле.

Я затянул последнюю гайку и подошел к ним.

Бульдозер стоял перед маленьким холмиком, поросшим травой. Вокруг валялся низкий, полусгнивший штакетник.

Сидоров поднял из травы выцветшую деревянную звезду. Солдатская могила – видно, осталась еще с войны. Она была вырыта в стороне от прежней дороги. Но, прокладывая новую, мы спрямляли магистраль. И вот бульдозер Андрея наткнулся на могилу.

Андрей сел в кабину, включил рычаги, нож надвинулся на холмик.

– Ты что делаешь? – Сидоров встал на холмик.

– Чего, – ответил Андрей, – сровняю...

– Я тебе сровняю! – сказал Сидоров.

– Разница тебе, где он будет лежать: над дорогой, под дорогой? – спросил шофер Юра.

– Ты в земле не лежал, а я лежал, может, рядом с ним, – сказал Сидоров.

В это время подъехал еще один самосвал. Из него вышел Воронов, подошел к нам, нахмурился:

– Стоим?!

Взгляд его остановился на могиле, на штакетнике; кто-то уже собрал его в кучку и положил сверху выцветшую звезду. На лице Воронова отразилось неудовольствие, он не любил задержек, а могила на дороге – это задержка. И он недовольно смотрел на нас, будто мы виноваты в том, что именно здесь похоронен солдат.

Потом сказал Андрею:

– Обойди это место. Завтра пришлю землекопов – перенесут могилу.

Молчавший все время Сидоров заметил:

– По штакетнику и по звезде видать, кто-то ухаживал, надо бы хозяина найти.

– Не на Камчатку перенесем. Придет хозяин – найдет. Да и нет никакого хозяина – сгнило все, – ответил Воронов.

– При нем документы могут быть или какие вещественные доказательства, – настаивал Сидоров.

И Воронов уступил. За что, конечно, Сидорову придется потом расплатиться. Потом. А пока расплатился я.

– Крашенинников! Поезжай в город, поспрашивай, чья могила.

Я был поражен таким приказанием:

– У кого же я буду спрашивать?

– У кого – у местных жителей.

– А почему именно я?

– Потому что ты местный.

– Я не местный.

– Все равно, у тебя здесь дедушка, бабушка...

– Нет у меня бабушки, умерла, – мрачно ответил я.

– Тем более, старые люди, – со странной логикой продолжал Воронов. – Город весь вот, – он показал кончик ногтя, – три улицы... Найдешь хозяина, попроси: пусть забирают могилу, что надо, поможем, перевезем, а не найдешь хозяина, зайди с утра в военкомат: мол, наткнулись на могилу, пусть пришлют представителя для вскрытия и переноса. Понял? – Он повернулся к Юре: – Добрось его до карьера, а там дойдет.

– А кто за меня будет работать? – спросил я.

– На твою квалификацию найдем замену, – насмешливо ответил Воронов.

Такой хам!

– Ну, поехали! – сказал Юра.

...Вторым заходом самолет дал на бреющем полете пулеметную очередь и снова скрылся, оставив за собой длинную, медленно и косо сползающую к земле голубоватую полосу дыма.

Старшина Бокарев поднялся, стряхнул с себя землю, подтянул сзади гимнастерку, оправил широкий командирский ремень и португею, перевернул на лицевую сторону медаль «За отвагу» и посмотрел на дорогу.

Машины – два «ЗИСа» и три полуторки «ГАЗ-АА» – стояли на прежнем месте, на проселке, одинокие среди неубранных полей.

Потом поднялся Вакулин, опасливо посмотрел на осеннее, но чистое небо, и его тонкое, юное, совсем еще мальчишеское лицо выразило недоумение: неужели только что над ними дважды пролетала смерть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.